

Война священная. Памяти 1812 года. Часть 1.

Дорогие братья и сестры!

Так всегда обращались к своей пастве – великому русскому народу – священники и архиереи Русской Православной Церкви в годину тяжелейших испытаний, обрушивавшихся на наше Отечество в разные столетия. Этим родным обращением они призывали братьев и сестер острее почувствовать, что они братья и сестры, давали понять, что настала пора объединиться пред грозным ликом супостата.

*Бородинское сражение 26 августа 1812 г. Акварель
неизвестного художника. 1-я четверть XIX в.
Фрагмент*

Ровно 200 лет тому назад в России происходили события, которые нельзя назвать только войной между Наполеоном и государем императором Александром I. Нельзя назвать и только войной между великими полководцами с одной стороны и столь же великими – с другой. Нельзя назвать эту войну и только войной между народами Европы и народами России. Ибо, взглядываясь пристально в те события, отчетливо понимаешь и более великий – религиозный – смысл происшедшего.

В Европе, возглавляемой Францией, произошло решительное отторжение Бога, Божиих заповедей, Церкви Христовой. И отрекшиеся от Христа европейцы пришли в Россию, дабы доказать, что без Бога могут одолеть народ, сохраняющий приверженность евангельским истинам. То был чудовищный эксперимент, и в случае очередного триумфа Наполеона безбожники могли в восторге восклицать о величии человека и атеиста.

Но Бог поругаем не бывает! И Он стал триумфатором, а не безбожники, пришедшие вместе с Бонапартом. «Бог Господь, и явился нам!» Не даром на медалях, выпущенных в честь изгнания европейцев, писалось: «Не нам, не нам, а имени Твоему!» Имелось в виду, что слава должна воздаваться не людям, а Создателю. Промыслительным оказалось и то, что изгнание Наполеона окончилось в дни Рождественских праздников 1812 года.

Сияющий лик родившегося Богомладенца свидетельствовал об истинной причине победы русских и поражения супостатов.

«Рождество Твое, Христе Боже наш, воссия миру свет разума!» – пели, как обычно, православные люди, восхваляя Спасителя. Свет разума воссиял миру и в том, что атеист Наполеон не стал в очередной раз победителем, а подло бежал из разоренной им страны, таща с собой награбленное добро, бросив сотни тысяч своих солдат и офицеров на бескрайних просторах Российской империи – убитыми, ранеными, плененными.

Братья и сестры! Празднуя в эти дни 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года, поминая бессмертных героев, будем помнить и о том великом мистическом смысле победы русского оружия, который заключается в твердой приверженности идеалам христианства, нашей сплоченности вокруг Спасителя мира.

С нами Бог, разумеете, языцы!

Антикрестовый поход на Русь

*Жан Огюст Доминик Энгр.
Наполеон на своем
императорском троне*

шихся в пределы нашей страны. Но православный человек видит шире и глубже, понимая мистический смысл «грозы двенадцатого года».

Не удивительно, что пришедшие к нам незваные гости с таким сатанинским остервенением совершали надругательства над русскими церквями. Великая французская революция взяла слова Вольтера и ис-

«Из всех народов Европы я должен сделать единый народ, а из Парижа – столицу мира», – говорил Наполеон Бонапарт, подчиняя себе одно государство за другим. К 1812 году под его пятой не были только Англия и Россия, о которой самоуверенный корсиканец говорил, что раздавит ее.

Отечественная война против Наполеона чаще всего оценивается как освободительная, на правленная против хищников, вторг-

пользовала их как лозунг: «Раздавите гадину!» Под гадиной подразумевалось христианство, институт Церкви. Вдохновленные таким лозунгом, лишенные веры в Бога французы принялись истреблять свою Церковь под корень. А затем, явившись в пределы России, они, помимо страсти к наживе, пылали и жаждой надругательства над Православием. А главное, что и сам предводитель этого воинства не верил в Бога и почти открыто исповедовал свой атеизм.

Войны обычно называются «австро-французская», «франко-прусская», «русско-турецкая» и тому подобное. Но о войне 1812 года мы никогда не скажем: «франко-русская» или «русско-французская». Потому что это было противостояние всей Европы и России, новый крестовый поход против Отечества нашего. А еще точнее сказать – антикрестовый, потому что крестов на знаменах у врагов наших не было, и шли наполеоновские храбрецы к нам, чтобы сбивать кресты с куполов церквей и колоколен.

«Нашествие двенадцати языков» – так еще называли у нас вторжение наполеоновских армий, которые по тем временам имели небывалую численность и не случайно получили наименование «великой армии». Свыше 600 тысяч человек и около 1,5 тысяч орудий. Собственно французов в «великой армии» было менее половины. Свыше 50% наполеоновских войск составляли поляки, итальянцы, немцы, австрийцы, голландцы, швейцарцы и далее понемногу – представители самых разных народов Европы. Таким образом, без всякого сомнения, эту войну можно называть не только Отечественной войной 1812 года, но и европейско-русской. А в смысле религиозном – вой-

ной католическо-протестантского Запада против Руси Православной.

Подлость и коварство Наполеона состояли еще и в том, что в это время Россия держала огромные свои силы на юге, где ей противостоял грозный соперник – Османская Турция. В дипломатических документах лета 1812 года, прежде всего, бросается в глаза то, что делам Дунайской армии П.В. Чичагова уделяется даже больше внимания, чем наступлению «великой армии». Заключение мира с Турцией являлось важнейшей задачей. Немалую роль в этом сыграли героические действия великого сербского полководца Георгия Петровича, известного в истории под именем Карагеоргий.

В июле 1812 года он выставил свое 40-тысячное войско, чтобы содействовать русскому плану похода в Далмацию, и тем самым помог заставить турок отказаться от новой войны с Россией. В итоге к сентябрю адмирал Чичагов уже привел войска из Молдавии в помощь 3-й Западной армии генерала Торماسова.

Тем временем титаническими усилиями русской дипломатии, возглавляемой министром иностранных дел Николаем Петровичем Румянцевым, были достигнуты экстренные союзные договоренности России с Испанией и Англией, а Швеция, которую Наполеон склонял к нападению на Россию, вступила с нами в мирные переговоры. Таким образом, надежды Бонапарта на то, что с севера его поддержат шведы, а с юга турки, не оправдались.

Начало войны. Начало религиозного возрождения России

Война началась 12 июня по православному календарю или 24-го – по евро пей-скому. Вскоре государь император Александр Павлович выпустил «Приказ по Русской армии» – документ, исполненный благо-родного негодова-ния и уверенности в том, что Господь не оставит Россию и победа будет за нами: «Французский им-ператор нападением на

войска наши при Ковно открыл первый войну.

Итак, видя его никакими средствами не преклонного к миру, не остается нам ничего иного, как, призвав на помощь свидетеля и защитника правды – всемо-гущего Творца небес, поставить силы наши противу сил неприятельских. Не нужно мне напоминать во-ждям, полководцам и воинам нашим о их долге и храбрости. В них издревле течет громкая победами кровь славян. Воины! Вы защищаете веру, Отечество и свободу. Я с вами. На начинающего – Бог».

Нужно было свершиться столь устрашающему втор-жению, чтобы взоры русского царя обратились ко Господу. Царя, который доселе не заглядывал в Биб-лию. Воистину, гром не грянет – мужик не перекре-стится! О том, что Александр впервые стал читать

Евангелие только в 1812 году, написано немало. И, вероятнее всего, это так и есть. Но религиозный воспитатель государя протопоп Андрей Самборский, человек добросердечный и честный, обучая Александра катехизису, мягко и ненавязчиво заложил в душу своего августейшего воспитанника то зерно веры, которое разовьется позднее – уже под благодатными лучами святителя Филарета (Дроздова).

В ХХ веке принято было показывать Александра I испугавшимся Наполеона: мол, всю войну он трусливо отсиживался в Санкт-Петербурге. Это не так. Из Вильно император проследовал вместе с отступающей русской армией в Белоруссию, затем – в Смоленск. Здесь, узнав о подписании в Эребру антинаполеоновского договора России с Англией, государь издал свой знаменитый манифест, пылающий ненавистью к врагу и исполненный твердой решимости дать ему отпор.

Вот некоторые выдержки из этого красноречивого документа.

«Неприятель вступил в пределы наши и продолжает нести оружие свое внутрь России, надеясь силою и соблазнами потрясть спокойствие великой сей державы». «С лукавством в сердце и лестию в устах несет он вечные для ней цепи и оковы. Мы, призвав на помощь Бога, поставляем в преграду ему войска наши, кипящие мужеством поправить, опрокинуть его и то, что останется не истребленного, согнать с лица земли нашей».

«Собранные им разnodержавные силы велики, и от-
важность его требует неусыпного против нее бодр-
ствования». «Да найдет он на каждом шаге верных
сынов России, поражающих его всеми средствами и
силами, не вникая никаким его лукавствам и обман-
нам. Да встретит он в каждом дворянине Пожарско-
го, в каждом духовном Палицына, в каждом гражда-
нине Минина». «Народ русский! Храброе потомство
храбрых славян! Ты неоднократно сокрушал зубы
устремлявшихся на тебя львов и тигров; соединитесь
все: со крестом в сердце и с оружием в руках – ника-
кие силы человеческие вас не одолеют».

Слова Александра сбылись. Весь народ встал на за-
щиту своего Отечества. В июне-июле русским арми-
ям удалось закрыть Наполеону пути к наступлению
на Санкт-Петербург и Украину и соединиться вокруг
Смоленска. Но удержать Смоленск не удалось: древ-
ний город пал под натиском «великой армии», кото-
рая далее взяла направление на Москву.

В августе, после падения Смоленска, главнокоман-
дующим русской армии стал доблестный ученик ве-
ликого Суворова – генерал-фельдмаршал Кутузов.
Будучи гораздо старше Наполеона, убеленный седи-
нами, он притом обладал более неординарным воен-
ным мышлением, его взгляды на ведение войны ока-
зались более передовыми, нежели у «гениального
корсиканца». И народ обожал его, с верою повторяя
тотчас придуманную поговорку: «Пришел Кутузов
бить французов».

После Бородинского сражения, пожара Москвы и
блистательного Тарутинского маневра, совершенно-

го Кутузовым, начнется изгнание «двунадесяти языков» с лица земли нашей. В итоге Западная Европа, вторгшись в Россию, обретет здесь не славу и наживу, а позор и гибель. Или, как просто и весело написал об этом Иван Андреевич Крылов: «Волк, думая залезть в овчарню, попал на псарню».

Война с Наполеоном в первые месяцы стала для России отступательной. Успех сопутствовал нашим армиям лишь в арьергардных боях, и восклицание «Слава Богу!» наши генералы произносили пока лишь в тех случаях, когда удавалось благополучно отойти.

30 июня император Александр Павлович, оставив армию М.Б. Барклаю-де-Толли, приехал в Петербург. Вероятно, именно в эти дни, потрясенный тем, как мощно наступают враги и как бессильны наши армии, он взял в руки изданный на французском языке Новый Завет, предложенный ему для прочтения обер-прокурором Александром Николаевичем Голицыным. Бывший вольнодумец, равнодушный к религии, царь Александр впервые был ошеломлен великой тайной Евангелия.

Альбрехт Адам. Битва за Смоленск. Ок. 1820 г.

Не только взоры императора обратились к евангельским истинам. Все русское общество, доселе зараженное безбожием, вдруг почувствовало, как сквозь него пронеслась искра раскаяния. В те дни, когда пал Смоленск и супостату открылась дорога на Москву, очень многие отворили свои сердца Христу. Тому способствовали и проповеди священников, в которых сквозила одна великая истина: бедствия, подобные свалившемуся на Россию, являются не следствием коварства гениального Наполеона, а вразумлением Господним народу, забывшему о Творце и Его заповедях.

На русское общество не могли не произвести и должного впечатления пламенные слова из воззвания Святейшего Синода: «По благодати, дару и власти, данным нам от Бога и Господа нашего Иисуса Христа, Его великим и сильным именем взываем ко всем благоверным чадам Российской Церкви. С того

момента, как ослепленный мечтою вольности народ французский ниспровергнул престол единодержавия и алтари христианские, мстящая рука Господня видимым образом тяготела сперва над ним, а потом, через него и вместе с ним, над теми народами, которые наиболее отступлению его последовали. За ужасами безначалия следовали ужасы угнетения. Одна брань рождала другую, и самый мир не приносил покоя. Богом спасаемая Церковь и держава Российская была доселе по большей части сострадающей зрительницею чуждых бедствий, как бы для того, чтобы тем более утвердились во уповании на Промысл и с тем большим единодушием приготовились встретить годину искушения...»

Русские снова вспомнили о Боге. И наши сокрушительные поражения прекратились. Отступление более не было похоже на постыдное бегство. Началось партизанское движение, а стало быть, война армий превратилась в войну всего народа против иноземных захватчиков. И на Бородинское поле европейцы пришли уже не столь самоуверенными, а изрядно потрепанными.

«Не даром помнит вся Россия про день Бородина!..»

В Российском государственном историческом архиве Санкт-Петербурга в фонде святителя Филарета Московского есть одна толстая папка, в ней хранятся записи о всевозможных чудотворениях и предсказаниях. И в частности – «Предсказание о войне России с Францией», где неизвестный автор пишет следующее: «Французы победят и пройдут во внутренность

России, даже овладеют Москвою; но при вшествии их сей древний город будет сожжен. Тогда положен будет предел злодеяниям французов, ибо с той минуты щастие отвратится от них за их неверие и холодность к религии. Все французское войско истреблено будет в короткое время не оружием русских, но силою Божиею; впрочем, мне неизвестно, какие Бог употребит к тому средства».

Атака лейб-гвардии Литовского полка из 5-го пехотного корпуса. Худ. Н. Самокиш, 1912 г

Бородинское сражение состоялось 26 августа, в день, когда Россия отмечает спасение Москвы от нашествия Тамерлана 1395 года. На сей раз Москва была спасена, но страшной ценой пожара, гибели многих тысяч людей, разграбления ценностей. 35 дней она была в руках врага, покуда Наполеон не вынужден был бежать из горящей столицы. Началось изгнание супостата по разоренной им же старой Смоленской дороге.

Во Франции очень много памятников, связанных с Наполеоном. На некоторых из них перечисляются битвы, в которых он одержал победы. Знакомясь с подобными памятниками, русский человек чаще всего испытывает сильное удивление, когда среди наименований мест, где Бонапарт побеждал, вдруг видит и слово «Borodino». Ведь со школьных лет мы знаем, что Бородино – это поле нашей славы, что сражение было нами выиграно, но за недостатком сил наша армия вынуждена была отступить. А во Франции, оказывается, думают совсем иначе.

Так кто же, в конце концов, одержал победу?

Если разобраться – то и Наполеон, и Кутузов. Парадокс? Нисколько. Возьмем цели и задачи, которые ставили перед собой два великих полководца перед началом сражения, и мы увидим, что и тот, и другой своих целей достигли и свои задачи выполнили. Вот только дальнейшие планы Наполеона рухнули, а у Кутузова – полностью осуществились.

Наполеон. В июне, несмотря на дружбу с Александром I, предательски нарушил все соглашения и вторгся в Россию. Стремительно прорваться к Петербургу и захватить северную столицу не удалось. Он не смог даже овладеть Ригой. Пришлось наступать на Москву, тратить силы в Смоленском сражении и лишь в конце августа приблизиться к Златоглавой. Здесь, перед Бородинским сражением, он ставил перед собой следующие цели: разгромить основную армию русских, затем овладеть Москвой, разграбить ее до основания, вывезти награбленное во Францию и после этого заключить с императором Алексан-

дром мир, который тот вынужден будет принять, ибо для дальнейшего ведения войны в этом году у него не будет никаких возможностей. Как видим, планы – самые разбойничьи.

Кутузов. В командование армией вступил всего лишь за неделю до генерального сражения. Он знал о большом численном превосходстве и воинской доблести «великой армии», о полководческом гении Наполеона и его маршалов. В глубине души давал себе отчет в том, что одержать победу невозможно. Поэтому его главной целью было нанести как можно больший урон французам, такой урон, чтобы, подойдя к Москве, они не имели сил на второе сражение. А там – даст Бог, подойдут свежие силы, соберется ополчение, как ровно 200 лет назад, в 1612 году, когда весь народ встал под знамена Минина и Пожарского. И мы еще посмотрим...

Место для сражения было выбрано самое лучшее. Даже из названий местности видно, что и прежде здесь случались битвы: реки Стонец, Война и Колоча, деревня Беззубово, Утицкий курган, в котором, как предполагают, в древности было захоронение павших воинов. Кутузов расположил свои войска широко на всей возвышенности. Наполеон вынужден был располагаться компактнее в низине, вокруг занятого накануне Шевардина. Перед сражением он не видел никаких препятствий для полной и сокрушительной победы. Расположение русских было таково, что ему казалось нетрудным пробить центр решительным натиском и затем, введя резерв, направить удар на север во фланг группировки, прикрывающей Новую Смоленскую дорогу.

Не учитывал Наполеон лишь одного – силы русского характера, силы озлобления и решимости драться, которая накопилась в сердцах солдат и офицеров, отступавших до самого сердца России. Об этом прекрасно написано в романе «Война и мир» Льва Николаевича Толстого, когда перед сражением беседуют Андрей Болконский и Пьер Безухов, и князь Андрей говорит:

«– Поверь мне, что ежели бы что зависело от распоряжений штабов, то я бы был там и делал распоряжения, а вместо того я имею честь служить здесь, в полку, вот с этими господами, и считаю, что от нас действительно будет зависеть завтрашний день, а не от них... Успех никогда не зависел и не будет зависеть ни от позиции, ни от вооружения, ни даже от числа; а уж меньше всего от позиции.

– А от чего же?

– От того чувства, которое есть во мне, в нем, – он указал на Тимохина, – в каждом солдате... Французы разорили мой дом и идут разорять Москву и оскорбили и оскорбляют меня всякую секунду. Они враги мои, они преступники все, по моим понятиям. Надо их казнить».

У французов и прочих европейцев, пришедших на Бородинское поле, жажда победы подпитывалась желанием дойти до Москвы, захватить ее и там обрести отдых. Ибо все они верили, что после взятия Москвы русские сдадутся и подпишут любые мирные условия. Об этом же говорилось в воззвании Напо-

леона, зачитанном перед всеми войсками на рассвете 26 августа (7 сентября по-европейски):

«Воины! Вот сражение, которого вы так желали. Победа зависит от вас. Она необходима для вас, она доставит нам все нужное: удобные квартиры и скорое возвращение в отечество. Действуйте так, как вы действовали при Аустерлице, Фридлянде, Витебске, Смоленске. Пусть позднейшее потомство с гордостью вспоминает о ваших подвигах в сей день. Да скажут о каждом из вас: он был в великой битве под Москвою!»

При первых лучах солнца первым выстрелило русское орудие. Около 6 часов утра началась битва. Французы бросились штурмовать село Бородино. Егерский полк лейб-гвардии на виду у всей армии более часа сдерживал натиск. В 6 часов началась атака на флеши – насыпные тупоугольные укрепления. Семеновские флеши обороняла гренадерская дивизия под командованием 30-летнего генерал-фельдмаршала Михаила Семеновича Воронцова. Здесь же стояла и пехотная дивизия генерал-лейтенанта Дмитрия Петровича Неверовского, героя русско-турецкой войны. Его пехотинцы прославились и в Смоленском сражении.

Общее командование флешами осуществлял генерал от инфантерии Петр Иванович Багратион. Флеши стояли крепко, несмотря на тройное в численности превосходство французов, которыми командовал маршал Луи Николя Даву, герой Ауэрштедта и Ваграма.

В это время на крайнем левом фланге, у деревни Утица, в бой вступили поляки маршала Юзефа Понятовского. У него был особый счет к русским: во время Польского восстания 1794 года он руководил восставшими, а в подавлении мятежа участвовали Неверовский и генерал от кавалерии Николай Николаевич Раевский.

На левом фланге русскими войсками командовал генерал-лейтенант Николай Алексеевич Тучков. В русской армии тогда служили четыре генерала Тучковых, и все четверо были сыновьями сенатора Алексея Васильевича Тучкова. Двое из них оказались в битве при Бородине, и обоим суждено было тут погибнуть. Возле Утицы командовал генерал-лейтенант Николай Алексеевич Тучков. Его брат Александр в чине генерал-майора сражался на Семеновском редуте.

К 7 часам противник, овладев деревней Утица и селом Бородино, усилил атаки на флешы. К Даву присоединились корпуса Нея и Жюно, а также кавалерия Неаполитанского короля – маршала Жоашима Мюрата. Багратион, со своей стороны, бросил в подкрепление корпус Раевского и пехотную дивизию генерала Петра Петровича Коновницына. В разгар сражения граф Воронцов вместе со своими гренадерами бросился на врага и ударил в штыки, заставив французов отойти в замешательстве.

Бросок французской конницы отразили залповым огнем Литовский, Финляндский и Измайловский полки.

Понятовский продолжал наступление на крайнем левом фланге, пытаясь овладеть Утицким курганом. Здесь, во время жаркого боя, и был смертельно ранен в грудь генерал Николай Тучков. Его место занял генерал-лейтенант Алсуфьев.

К 10 часам утра все поле над Бородиным уже покрылось густым дымом. Русский офицер и писатель, участник сражения Федор Иванович Глинка писал: «Густой дым и пар кровавый затмили полдневное солнце. Какие-то густые, неверные сумерки лежали над полем ужасов, над нивой смерти. В этих сумерках ничего не было видно, кроме грозных колонн, наступающих и разбитых, эскадронов бегущих...» В этих страшных черных сумерках армиям предстояло сражаться до самого вечера!

Наполеон двинул на флешу 45 тысяч своих солдат и 400 орудий. У Багратиона было 18 тысяч солдат и 300 орудий. К полудню мощным штурмом французам удалось наконец овладеть флешами. Багратион был смертельно ранен. На его место Кутузов направил генерала от инфантерии Дмитрия Сергеевича Дохтурова. Героическими действиями ему удалось сдержать натиск французов, прорвавших флешу. Здесь же положительную роль сыграли действия 1-й армии генерал-фельдмаршала Михаила Богдановича Барклая-де-Толли, не позволившей противнику развить стремительное наступление.

А на правом крыле 1-й армии доблестно сражался знаменитый герой всех суворовских походов, доблестный генерал Михаил Андреевич Милорадович. Тот самый, которого через тринадцать лет на Сенат-

ской площади подло и преступно застрелит декабрист Каховский.

В это время шел бой за овладение батареей Раевского. Врагу удалось захватить ее, но на помощь пришел 35-летний герой – генерал Алексей Петрович Ермолов, будущий покоритель Кавказа. Собрав рассеянные батальоны, он сам увлек их в атаку и опрокинул французов с батареи Раевского. Не зря французы окрестили батарею «роковым редутом». Все поле вокруг нее было завалено горами их трупов.

И, тем не менее, положение наших войск с каждым часом ухудшалось. Овладев флешами, Наполеон почти выполнил свою задачу – прорвал русскую оборону в центре. Но потери его были столь велики, что продолжать наступление на север, во фланги группировки, прикрывающей Новую Смоленскую дорогу, сил больше не оставалось.

В это время конница генерала Федора Петровича Уварова и казачий корпус генерала Матвея Ивановича Платова совершили головокружительный рейд в тыл врага. Конница Уварова захватила деревню Беззубово, но здесь была остановлена итальянцами. Казакам Платова удалось прорваться дальше и навести панику на левом фланге французов. В итоге Наполеону пришлось перебрасывать сюда силы, наступление в центре было приостановлено на два часа. Кутузов выиграл время для перегруппировки войск. Битва продолжалась.

К 5 часам вечера французы, полностью истребив защитников батареи Раевского, наконец овладели этим

важнейшим рубежом русской обороны. К вечеру удалось овладеть Утицким курганом и Понятовскому. К этому времени от дыма было уже темно, как ночью, да к тому же и сама ночь надвигалась. Боевые действия пришлось прекратить.

Устраиваясь на ночлег, и русские, и европейцы рассчитывали на то, что завтра битва продолжится. Однако Кутузов посчитал, что его задача выполнена, врагу нанесен значительный урон, и утром русские войска начали отступление в сторону Москвы.

Именно это отступление по всем военным законам того времени означало, что битву выиграл Наполеон. «Поле битвы досталось врагу», – так говорилось тогда в случае поражения. Бородинское поле утром следующего дня досталось Бонапарту. Французы и их союзники торжествовали победу. Но торжество это было не таким радостным, как после всех предыдущих побед Наполеона. Они, по словам Льва Толстого, «испытывали чувство ужаса перед тем врагом, который, потеряв половину войска, стоял так же грозно в конце, как и в начале сражения.

Нравственная сила французской атакующей армии была истощена». Но и физические силы врага были сильно подорваны: из 120 тысяч солдат и офицеров погибло более 58 тысяч. Не только русские, но и европейцы потеряли ровно половину своих войск.

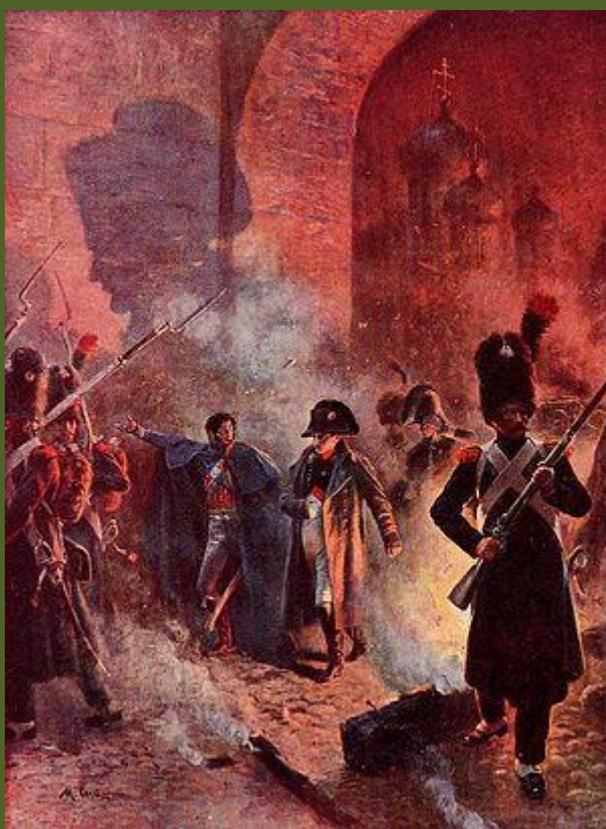
Война священная. Часть 2

Памяти 1812 года

Падение Наполеона и возрождение православной России.

Москва (1812).

Наполеон оставляет Кремль

План Наполеона продолжал осуществляться. Но если корсиканец и впрямь был таким гением, каким нам являют его историографы, то он уже после Бородина чувствовал, чуял, что впереди его ждет гибель. Мрачно входил он в Москву, дабы вскоре в ужасе бежать из этой горячей столицы непонятных, кошмарных русских, спаливших свой великий город, только чтобы выкурить из него врага.

Несокрушимый Наполеон пришел в Россию, и русские вспомнили: «Христиане же мы!» И тогда нечто непонятное произошло с победителем, взявшим столицу Руси. Некая неодолимая сила вышвырнула его вместе с «великой армией» вон.

Прекрасные слова нашел Александр Сергеевич Пушкин в финале своей неоконченной повести «Рос-

лавлев», главная героиня которой, узнав о пожаре Москвы, произносит: «Неужели... пожар Москвы наших рук дело? Если так... О, мне можно гордиться именем россиянки! Вселенная изумится великой жертве! Теперь и падение наше мне не страшно, честь наша спасена; никогда Европа не осмелится уже бороться с народом, который рубит сам себе руки и жжет свою столицу».

Осенью 1812 года в Петербурге с мучительным нетерпением ждали хороших вестей из Москвы. Царь был здесь. Положение его становилось шатким. Родная сестра Екатерина Павловна писала ему: «Недовольство дошло до высшей точки, и Вашу особу далеко не щадят. Если это уже до меня доходит, то судите об остальном». Желали его присутствия вблизи театра военных действий. Но Александр оставался в Петербурге. Разочарованный в собственных полководческих дарованиях, он боялся своего присутствия на войне. Его война перешла в область мистическую. Он сильнее, чем когда-либо, раскаивался в своем пассивном участии в умерщвлении отца. Полагал, что и это является причиной обрушившихся на него и на страну бедствий.

Тема религиозного мистицизма Александра I до сих пор, можно сказать, не раскрыта и требует особенного и внимательного изучения. Отечественная война 1812 года и последовавший за нею Европейский поход русских войск полностью изменили Александра Павловича. Историки с некоторой чрезмерной легкостью обычно приписывают это влиянию баронессы Крюднер, с коей царь духовно сблизился в Европе. Но стоит подумать о более глубоких объяснениях.

Всю жизнь мучившийся терзаниями по поводу косвенного участия в гибели отца, верующий и потому постоянно кающийся Александр впервые увидел страшный упадок европейского христианства и ужаснулся.

О французах он без стеснения вслух говорил: «Что может быть хорошего здесь, где нет никакой религии!» Как разительно это контрастирует с фразой Наполеона, который, увидев, сколько в России храмов, недоуменно спросил: «Зачем столько? Ведь сейчас уже никто не верит в Бога!» Вернувшись в Россию, Александр удивлял всех полным изменением своего характера. Исчезли щегольство, самолюбование, кокетничанье с дамами, царь порвал свою связь с Нарышкиной, которая продолжалась целых 16 лет, и стал проповедовать целомудрие. Он гораздо больше внимания уделял паломничествам по монастырям, часто исповедовался, причем требовал, чтобы его исповедовали не как монарха, а как простого прихожанина.

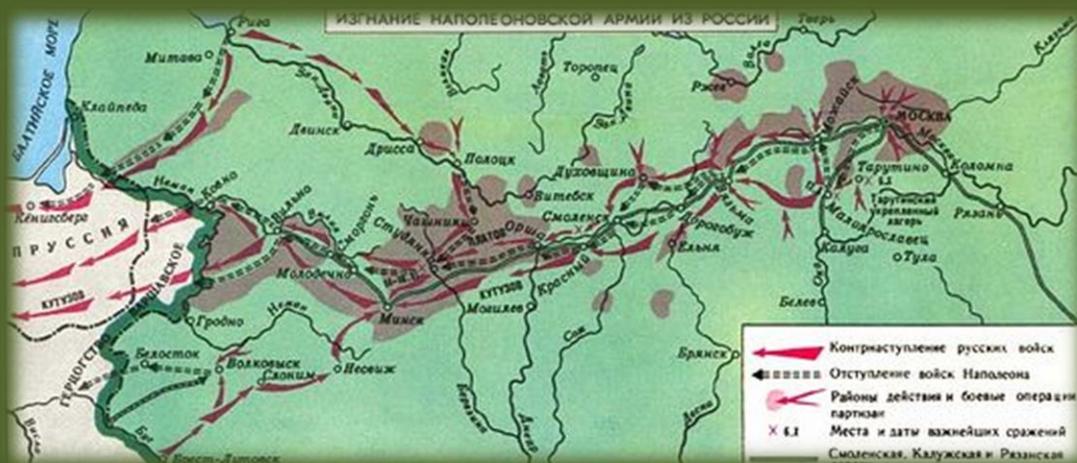
Несмотря на полное отсутствие военного гения, несмотря на то, что Наполеона победили Кутузов, Барклай, Милорадович, русский солдат и офицер, Александр, тем не менее, своей политикой 1813–1815 годов внес неоценимый вклад в дело окончательного разгрома революционного императора Франции и по праву считался главным победителем.

И он понимал, что хотя бы одним этим навсегда войдет в память потомков как благословенный государь.

1 октября 1812 года на праздник Покрова в Петербурге архимандрит Филарет (Дроздов) произнес пропо-

ведь о том, что храм Божий есть видимый, но он пуст, если мы не имеем в себе храма невидимого. Тем самым он призывал к духовному деланию, без которого невозможно возвращения гармонии мира. В тот же день в присутствии Филарета государь произнес свои пророческие слова. Когда зашел разговор о возможности подписания мира с Наполеоном, император разгорячился и воскликнул: «Я отращу себе бороду и лучше соглашусь питаться хлебом в недрах Сибири, нежели подпишу стыд моего Отечества!»

Об этом зароке он вспомнит через 17 лет и поймет, что надобно его исполнять. Если только миф о сибирском старце Федоре Кузьмиче – не миф...

Изгнание наполеоновской армии из России

Через неделю пришло радостное известие о бегстве Наполеона из Москвы. Молитвами праведников, таких как митрополит Платон (Левшин), преподобный Серафим Саровский и святитель Филарет, русское оружие возобладало над вражеским. Таким духовным оружием, какое ковалось в их молитвах, Наполеон не обладал, а потому обречен был на поражение.

22 октября праздновалась икона Казанской Божией Матери, вспоминалось избавление Москвы от поляков в 1612 году. В сей день произошло Вяземское сражение, знаменательное тем, что в нем генерал Милорадович явил полное расстройство наполеоновской армии, и далее знамя победы уже не переходило к врагу из рук наших воинов.

Европейцы, несущие в сердцах своих безбожие, были заведомо обречены, потому что им навстречу выйдет рать, осененная верой во Христа Спасителя, встанет народ, вспомнивший о звании христианского, ведомый не только блистательными полководцами, но и вдохновенными священниками, которые укрепляли солдат евангельским словом, бесстрашно шли впереди войск с крестом в руке.

Победители

Портрет М. И. Кутузова (автор: Р.М. Волков)

Тарутинский маневр Кутузова стал одним из невиданных доселе шедевров мирового полководческого искусства. Пока Наполеон, сидя в Москве, ждал от русского царя капитуляции, наша армия отдохнула, воспрянула духом и значительно пополнилась. Когда Москва запылала, прекратились споры о том, правильно ли поступил главнокомандующий:

теперь все видели гениальность его замысла и выгоду избранной им позиции.

Кутузов победил Бонапарта не в генеральном сражении, его победа – в том, что он не дал неприятелю уйти из России через богатые земли Орловщины и Малороссии, заставив незваных гостей отступать по разоренной войною старой Смоленской дороге. При этом Михаил Илларионович вынужден был отстаивать свой план медленного истребления «великой армии», спорить с теми, кто требовал от него окружить остатки французских войск и взять их в плен.

Удивительно и то, что Наполеон, не проиграв Кутузову ни одного сражения, полностью потерял свою могущественную армию и уполз из России, удовлетвовавшись лишь награбленным добром. Забавно,

но французы, благодаря этому, и по сей день считают войну 1812 года успешной! Они уверяют, что победили в Бородинской битве, взяли Москву, прекрасно поживились – чем тебе не победная кампания!

Но как бы то ни было, в действительности полную победу одержал не Наполеон, а более мудрый полководец – Михаил Илларионович Кутузов.

Следом за ним нужно назвать других главных героев Отечественной войны 1812 года, победителей.

«Чем бы дело ни кончилось, я всегда буду убежден, что я делал все необходимое для сохранения государства, и если у его величества еще есть армия, способная угрожать врагу разгромом, то это моя заслуга. После многочисленных кровопролитных сражений, которыми я на каждом шагу задерживал врага и нанес ему ощутимые потери, я передал армию князю Кутузову, когда он принял командование в таком состоянии, что она могла помериться силами со сколь угодно мощным врагом.

Я ее передал ему в ту минуту, когда я был исполнен самой твердой решимости ожидать на превосходной позиции атаку врага, и я был уверен, что отобью ее... Если в Бородинском сражении армия не была полностью и окончательно разбита – это моя заслуга, и убеждение в этом будет служить мне утешением до последней минуты жизни», – писал Михаил Богданович Барклай-де-Толли, и эти слова весьма точно отражают суть его участия в войне 1812 года.

Раненых при Бородине развозили по всем городам и весям к востоку от Москвы. Много их было под Ярославлем, многих распределяли по монастырям, как, например, в московском Сретенском или в Толгском монастыре под Костромой, где монахи и монахини способны были предоставить умирающим и выздоравливающим терпеливый и внимательный уход. Генерал Петр Иванович Багратион долго и мучительно умирал в деревне Симы Владимирской губернии у своего друга князя Бориса Голицына. Его можно было спасти, ампутировав ногу, но он не мог представить себя инвалидом, не участвующим в защите Отечества, и отказывался от ампутации. Развившаяся гангрена унесла его в могилу через две с половиной недели после роковой битвы. Ему было 47 лет от роду. Из них 30 лет он почти без отдыха воевал за Россию.

Воспитанный Суворовым, генерал Багратион во всем был подобен своему великому учителю. Он всегда делил с солдатами все тяготы походов, отличался выносливостью и нетребовательностью к еде. Как грузин, он был вспыльчив, но сколь легко его было разгневать, столь же легко он забывал свой гнев и обиды. И не знал, что такое мстительность. За его удалой и веселый нрав солдаты любили Петра Ивановича всей душой. Так, как любили Суворова и Кутузова.

Во время войны 1812 года Михаил Андреевич Милорадович в основном руководил арьергардом, и именно благодаря арьергардным боям русским удалось измотать «великую армию». А потом Милорадович вместе с Витгенштейном и Барклаем гнал французов до самого Парижа.

*Граф Михаил Милорадович
(автор: Дж. Доу)*

Народ любил его само-забвенно, ибо и сам Михаил Андреевич самозабвенно любил русских людей. Вот почему, когда казнили декабристов, четверо из них обнялись на прощание между собой, а пятому – мерзавцу Каховскому – Пестель, Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин и Рылеев даже не подали руки. За то, что он подло, из-за спины, убил выстрелом из пистолета самого Милорадовича!

За всю свою жизнь, находясь всегда в самом пекле сражений, он ни разу не был ранен. Французская пуля лишь однажды сбила с него эполет. И тут – смертельная рана нанесена своим же соотечественником! Когда врач Арендт извлек пулю, Милорадович попросил показать ему ее и, умирая, вымолвил с облегчением: «Слава Богу – не солдатская!» Ему невыносимо было бы осознавать перед смертью, что он погибает от руки русского солдата.

Гренадерская дивизия под командованием генерала Михаила Семеновича Воронцова во время Бородинского сражения обороняла Семеновские флеши. Шесть французских дивизий остервенело атаковали эту важнейшую позицию, 200 орудий обстреливали защитников. Воронцовские гренадеры, неся огромные потери, не отступали. Сам граф повел в штыковую атаку один из своих батальонов и получил ранение в бедро. «Смотрите, братцы, как умирают генералы!» – воскликнул он, продолжая сражаться.

Вместе с армией генерал Воронцов отступил в Москву. У своего дома в Москве он увидел около сотни подвод, которые должны были вывезти из столицы богатства, накопленные несколькими поколениями Воронцовых. Но граф приказал освободить подводы и посадить на них раненых генералов и офицеров, сотню их денщиков и три сотни солдат. В своем имении Андреевском во Владимирской губернии он организовал госпиталь, где на его счет жили и лечились раненые.

После излечения Михаил Семенович участвовал в заграничных походах русской армии. В сражении под Краоном его корпус с успехом противостоял превосходящим силам французов, которыми командовал сам Наполеон. Наградой за это сражение был орден святого Георгия 2-й степени. А после окончательной победы над Наполеоном Воронцова назначили командиром русского оккупационного корпуса. Главным принципом своего командования Михаил Семенович провозгласил милосердие к поверженному врагу. Русские солдаты и офицеры призваны были показать, что они – истинно цивилизованные лю-

ди, в отличие от тех дикарей, что явились грабить Россию в 1812 году. А когда оккупационный корпус покидал Францию, Воронцов из личных средств оплатил все огромные долги русских солдат и офицеров.

Пантеон героев Отечественной войны 1812 года велик. В нем звенят славные имена Алексея Петровича Ермолова, Матвея Ивановича Платова, Дмитрия Сергеевича Дохтурова, Александра Петровича Торماسова, Петра Христиановича Витгенштейна, Дениса Васильевича Давыдова, Александра Ивановича Кутайсова, Ивана Семеновича Дорохова, Дмитрия Петровича Неверовского, Николая Николаевича Раевского, Петра Петровича Коновницына и многих других.

Предание.ру

